

Мария Момзикова

Письма после поля:

СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ, НГНАСАНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ И (СО)ПРОИЗВОДСТВО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РЕЦИПРОКНОМ ДИАЛОГЕ*

Maria Momzikova

Post-Fieldwork Letters: Soviet Scholars, Nganasan Correspondents, and
the Co-Production of Anthropological Knowledge through Reciprocal Dialogue

Мария Момзикова (Тартуский университет,
аспирант) mmomzikova@eu.spb.ru.

Maria Momzikova (PhD Candidate, University of
Tartu) mmomzikova@eu.spb.ru.

Ключевые слова: письма, отношения, реци-
прокность, диалог, после поля, производство
знания, нганасаны, советский просветитель-
ский проект, советская этнография, советская
лингвистика

Key words: letters, relations, reciprocity, dialogue,
post-fieldwork, knowledge production, Nganasans,
Soviet educational project, Soviet Ethnography, So-
viet Linguistics

УДК: 39

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_44

UDC: 39

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_44

В статье рассматриваются переписка и под-
держание отношений между нганасанами и
приезжавшими на Таймыр исследователями
культуры и языка в 1930–1960-е годы как ре-
ципрокный диалог. Используя архивные и
опубликованные материалы, автор показывает,
как этнографическое и лингвистическое зна-
ние появлялось в постоянном диалоге между
представителями советского просвещения и
науки с их «информантами» в поле и перепис-
ке. Эти профессионально-дружеские отноше-
ния сопровождался реципрокным обменом не
только знанием, но и вещами, а также переда-
чей денег. Письма, как форма коммуникации,
требующая ответа от адресата, обеспечивали
продолжение этого реципрокного обмена и по-
сле окончания полевой работы. Будучи частью
советской социальной и политической действ-
тельности, этот обмен письмами превращался
не только в сопроизводство антропологичес-
кого знания, но и в инструмент политического
просвещения и интеграции представителей ло-
кальных сообществ в советские политические
институты.

The article examines the correspondence between
Nganasans and visiting Taimyr researchers of culture
and language in the 1930s and 1960s as a “recipro-
cal dialogue”. Using archival and published materials,
the study illustrates how ethnographic and linguistic
knowledge emerged through ongoing dialogue be-
tween researchers and their “informants,” both in the
field and through correspondence. These profes-
sional and friendly relationships involved a reciprocal
exchange not only of knowledge but also of goods
and even money. Letters, as a form of communica-
tion requiring a response from the recipient, ensured
the continuation of this exchange after the conclu-
sion of fieldwork. Within the context of Soviet social
and political reality, this correspondence became not
only a co-production of anthropological knowledge
but an instrument of political education and facilita-
ted the integration of addressees from local commu-
nity representatives into Soviet political institutions.

* Я признательна Дмитрию Арзютову и Лауре Сирагузе за приглашение участвовать в настоящей подборке статей, кропотливую работу над текстом статьи и редактирование, а также Арсению Куманькову за редакторский взгляд со стороны журнала, и Анастасии Фоминой за корректуру. Я благодарю Дэвида Андерсона, Александра Басова, Дарью Болину, Катю Вереш, Елену Земскову, Майю Лавринович, Марину Люблинскую, Семена Макарова, Георгия Медвинского, Нонгелю Турдагина и Светлану Чуприну за консультации и помощь во время работы над статьёй.

Большинство современных антропологов, скорее всего, согласятся с утверждением, что антропологическое знание — продукт интеллектуального сотрудничества между исследователями и их собеседниками-«информантами» в поле и после него. Тем не менее голоса последних часто остаются неслышными в авторском монологе антропологических монографий. Критика антропологического знания, выросшая из приложения идей Михаила Бахтина о диалогичности культуры к анализу антропологических текстов, показывает, что полевая работа, составляющая ядро антропологии как дисциплины, изначально имела коллаборативную природу, которая затем в работах предшественников превращалась в авторский монолог [Clifford, Marcus 1986; Gibson, Gardner 2019; Tedlock, Mannheim 1995]. В то же время история сибирской антропологии, как важной части российского антропологического знания, по-прежнему остается в стороне от критики антропологического монолога (см. работы по интеграции истории сибирской антропологии в историю мировой антропологии: [Арзютов, Кан 2013; Кан 2009; Sorin-Chaikov 2008]).

Обращаясь в этой статье к полевой работе и последующей переписке советских этнографов и лингвистов Севера 1930—1970-х годов с нганасанами, живущими на Таймыре, я показываю, что знание о культуре и языке последних создавалось в советское время в постоянном диалоге, в том числе письменном, с экспертами — членами сообществ. Я останавливаюсь на письмах, которыми обменивались исследователи и их «информанты», но дополняю их данными полевых дневников. Для анализа такого диалога я выбираю антропологическую методологию обмена и реципрокности, позволяющую реконструировать прагматику сопроизводства знания как в поле, так и после него, и называю этот диалог в письмах реципрокным. Через рассматриваемые письма исследователи получали этнографическое знание от своих знакомых и друзей из поля, что влияло на последующие исследовательские интерпретации. Взамен же они делились своими представлениями о советской культуре, что могло помочь нганасанам в построении карьеры или поддержании социального статуса на советском Таймыре. Письма могли также сопровождаться вещами или даже деньгами. Подобный обмен знанием предполагал активную вовлеченность обеих сторон в диалог. Это хрупкое взаимовыгодное сотрудничество обеспечивалось многолетними личными отношениями между исследователями и «информантами» и превращало письма не только в источник информации, но и в важный эмоциональный ресурс, в какой-то степени нивелирующий властные иерархии.

* * *

Важность вклада местных сообществ в производство знания подчеркивается внутри недавно возникшей методологической программы по исследованию коренных народов (*Indigenous methodologies*), которая выросла из критики антропологии, социологии, истории и других дисциплин, изучающих коренных жителей разных регионов мира. Эта программа предлагает интеграцию разнообразных форм знания коренных народов в переосмысление доминирующих социальных, культурных, экономических и политических нарративов и, что самое важное, дает возможность коренным народам выступать субъектами производства знания [Denzin et al. 2008]. Несколько иначе это видно и в коллаборативной антропологии, когда приезжие исследователи вместе с чле-

нами сообществ производят знание, признавая равенство участия как репутационно — через соавторство, так и материально — через разнообразные формы оплаты проделанной работы [Gay Y Blasco, de la Cruz Hernández 2012; Lassiter 2005]. Эти относительно новые подходы к изучению коренных народов позволяют восстановить баланс в производстве знания, а при обращении антрополога к историческим материалам предшественников открывают перспективу восстановления голосов многочисленных ассистентов, переводчиков и принимающих хозяев, которые помогали и делились знанием с исследователями в поле и в дальнейшей переписке, но труд которых зачастую оставался незамеченным уже на стадии обработки полевого материала, а затем и в академических публикациях [Gibson, Gardner 2019; Sanjek 1993].

Более того, длительное сотрудничество исследователей и их собеседников-«информантов»¹ в поле могло приводить к близким отношениям, насыщенным эмоциональным измерением, которые продолжались после завершения полевых исследований². Такие отношения могли быть реципрокными, то есть включенными в практики взаимного обмена знанием, подарками, а порой и деньгами³. Реципрокность накладывала обязательства на участников акта обмена совершать ответные действия, поддерживая взаимный материальный и нематериальный обмен и тем самым поддерживая отношения как на расстоянии, так и во времени. Как отмечают антропологи, реципрокность в отношениях исследователей и их собеседников-«информантов» позволяла преодолевать различные формы исходного неравенства через материальную и нематериальную «отдачу» исследователей, проявляющуюся в виде «эмоциональной или практической поддержки, признания, информирования, заступничества, защиты, предоставления работы, денег или товаров» [Vacano 2019: 82], что в том числе критиковало идеалистические представления о деэкономизации отношений в полевой работе.

Эти теоретические наблюдения могут быть перенесены и на Советский Север. Известно, что приезжие исследователи, рассматриваемые в этой статье, попадали в сложившийся в многоэтничной таймырской тундре реципрокный круговорот товаров, вещей, еды, знаний — новостей, сказок, песен. В 1930-е годы у таймырских нганасан важным элементом перекочевков было гостевание у соседей как из своих родов, так даже и из других этнических групп, чьи стойбища могли быть на расстоянии в 100—200 километров. Гостевание означало также обмен подарками и оказание посильной помощи. Так, мясо и другие части убитых на охоте оленей могли быть использованы как дар с ожиданием равноценного подарка в будущем [Попов 1936: 38; 1948: 52; Хазанович 1983: 152—155]. В нганасанском языке многочисленные производные от глагола *мазайся* 'гостить' описывают различные виды гостевых отношений и обмена гостинцами и подарками [Костеркина и др. 2001: 93; Момде, Арон 1992: 7—12]. В говорке, таймырском пиджине на русской лексической основе, бывшем одним из основных языков межэтнического общения в эти годы, существовало слово для обозначения взаимопомощи — *пособка*. Однако этот реципрокный круговорот

-
- 1 Здесь и далее я использую термин «информанты» как исторический, существовавший в обиходе исследователей Севера XX века.
 - 2 См. о дружеских отношениях между исследователями и их «информантами» в: [Gay Y Blasco, De La Cruz Hernández 2012].
 - 3 См. социологическую интерпретацию дружеских отношений как практик обмена в: [Хархордин 2009].

продолжался и после поля, когда исследователи и их «информанты» обменивались письмами, посылками с вещами и могли передавать деньги (о письмах, включенных в реципрокный обмен, см.: [Besnier 1995]). Логика письма, требующая ответа от адресата, пересекалась с логикой реципрокности, требующей отдачи в будущем, что помогало поддерживать реципрокный диалог на расстоянии и во времени через письма. Как будет показано в этой статье, включенность исследователей или даже советского политического активиста в жизнь сообщества и реципрокные сети позволяла в какой-то степени нивелировать существовавшие формы эпистемического, социального и экономического неравенства, в том числе и через письма, которые делали исследователей зависимыми от знания их «информантов», а тех, в свою очередь, от социальных дивидендов от общения со «столичными» учеными.

Описывая этот реципрокный обмен, стоит сказать, что он, конечно, был погружен в советскую действительность. Это заметно и по терминам, вошедшим в нганасанский язык: *почта* и *письмо*, которые были заимствованы из русского и отсылают к элементам государственной инфраструктуры (см. контекст употребления в [Момде, Арон 1992: 47–50]). Но наряду с ними продолжили существование и другие, как, например, нганасанский термин *хоэър* для обозначения писем, а также термин говорки *падерка*, который прежде всего отсылал к письмам на бересте — практике, существовавшей на Таймыре и, шире, — в Сибири, задолго до русской колонизации. Советской в этой коммуникации была и включенность исследователей и нганасан в советские институты знания и власти, о чем подробнее будет написано ниже, а также само знание о советской действительности, передававшееся в том числе через письма.

Рассматриваемая в этой работе переписка затрагивает приблизительно тридцать лет советской истории: с конца 1930-х до начала 1970-х. Письма, о которых пойдет речь ниже, были отобраны и сохранены исследователями и попали в их архивы или публикации, поэтому среди них число писем, отправленных на Таймыр самими исследователями, относительно невелико. Можно предположить, что эти письма имеют нечеткую границу между частной и публичной сферами в силу их включенности в практики обмена, которые могли происходить среди более чем двух участников. Более того, попадая в архивы, письма становятся доступными другим исследователям. Работая с архивными письмами, я стараюсь решать этическую проблему приватности переписки, цитируя исключительно информацию на профессиональные темы (см. также: [Арзютов и др. 2024; Михайлин, Беляева 2016; Nader 2020]).

Герои настоящей статьи — знатоки нганасанской культуры и языка и советские просветитель, этнограф и лингвист. Материалы их переписки, взятые для анализа в этом исследовании, я сгруппировала следующим образом. Первая группа документов — это опубликованные дневники и заметки заведующей Красным чумом⁴ Амалии Хазанович за 1937 год, описывающие отношения с ее проводником, членом кочевого совета, а затем председателем колхоза Васептэ Асянду, а также отправленные Хазанович в конце 1960-х годов письма внучки Васептэ Даши⁵ Купчик. Вторая группа — письмо приблизительно конца

4 Красный чум — передвижной агитационно-образовательный пункт.

5 Здесь и далее при указании Даши Купчик используется уменьшительное имя Даша, которым она подписывала свои письма и которое, вероятно, было русифицированной версией ее нганасанского имени Дяси.

1950-х — начала 1960-х годов от бывшего председателя колхоза и оленевода Нумаку Чуначара к советскому этнографу Борису Долгих, а также полевые дневники этнографа из экспедиций 1938 и 1957 годов. Третья группа — письма между составителем нганасанского словаря Александром Челеевичем Момде, его супругой Анной Момде и лингвистом Натальей Терещенко во время их совместной работы над записью и переводом нганасанских фольклорных текстов в конце 1960-х годов. Эти три группы писем и сопутствующих дневниковых записей формируют структуру моей статьи. Совмещая обсужденные выше теоретические установки современной антропологии и результаты исследования нганасанских и таймырских представлений о реципрокности, я фокусируюсь на трех сюжетах: 1) переписке, показывающей реализацию советского модерного проекта по отношению к коренным народам Севера через личные отношения и охватывающей несколько десятилетий (переписка Асянду — Купчик — Хазанович); 2) переписке как форме экономического обмена (письма Чуначара к Долгих, а также Момде и Терещенко); 3) переписке как построению равного интеллектуального диалога (преимущественно письма Момде и Терещенко). В этой статье для меня также важен подход к переписке как способу передачи советских ценностей в форме реципрокного ответа (письма Купчик — Хазанович, Терещенко — Момде).

Васептэ Асянду, Даша Купчик и Амалия Хазанович

В конце своей книги 1983 года — очередного переиздания таймырских дневников — Амалия Хазанович, заведующая Красным чумом в Таймырской тундре, кочевавшая около шести месяцев с семьей нганасана Васептэ Асянду в 1937 году, публикует письмо:

Пишет вам Даша Купчик, дочь Хонгэ и Ачептэ. Когда я училась в школе, я много слыхала о вас от мамы и папы, особенно от бабушки Асянду Васептэ... Почтальон принес ваше письмо бабушке Асянду. Но наш Васептэ умер, и я решила вскрыть письмо.

Все обрадовались, когда узнали, что письмо от вас. Мама сказала: «Много лет прошло. Ама — Красный чум — нас помнит, напиши ей, пусть приезжает к нам» [Хазанович 1983: 201].

Далее в опубликованном письме Даша Купчик рассказывает о Васептэ Асянду и его родственниках, о своей учебе в медицинском институте в Красноярске, жизни колхоза, современных квартирах, радио, массовых праздниках, обучении молодых нганасан в школах. Приведя это письмо в своей книге, Хазанович сопровождает его следующим комментарием: «Чувство радости и гордости за этот маленький народ охватили меня. Нганасанка изучает философию!» [Там же: 202]. Этот эмоциональный комментарий — реакция Хазанович на результаты собственной работы по ликвидации безграмотности в таймырской тундре в 1930-е годы. То, что начиналось как проектирование советского будущего, к 1960-м годам превратилось в «новую жизнь» в тундре. Частным примером эффективности этой программы было проникновение письменных практик в повседневную жизнь нганасан, что показывало само это письмо. При этом изучение философии могло казаться Хазанович кульминационной точкой проекта просвещения.

«Северная эпопея» Амалии Хазанович, уроженки Иркутска, началась в декабре 1936 года, когда она, взволнованная новостями о гибели «Челюскина», выражала готовность посвятить себя работе на далеком Севере [Там же: 1]. Начала она свою работу в Красном чуме с долганами, но вскоре узнала об их соседях — нганасанах от ленинградского этнографа, уроженца Якутии Андрея Попова [Там же: 49—52; Хазанович 1939: 10—12]. Ее работа как заведующей Красным чумом предполагала среди прочего борьбу с неграмотностью [Плисова 2018: 171], которая была основана на идеологии превосходства письменного языка. Хотя этот процесс сопровождался политикой коренизации (поддержания кадров из числа коренного населения), ликбез предполагал не столько поддержание языкового разнообразия и множественных форм коммуникации, сколько создание стандартизированных форм местных языков (см.: [Ferguson 2017; Grenoble 2003; Siragusa 2018]). На Таймыре, помимо множества диалектов и говоров языков коренного населения, был распространен пиджин говорка, который мог восприниматься носителями стандартного русского языка как «ломаный» русский, требующий «исправления» [Урманчиева 2010; Хелимский 1987; Stern 2006]. Это языковое разнообразие заметно и в опубликованных дневниках Хазанович⁶.

На одном из долганских станков⁷, Исаевском, она встретила нганасана Васептэ Асянду, члена Вадеево-Нганасанского кочевого совета, деда упомянутой выше Даши Кучик, куда тот приезжал рассматривать журнальные иллюстрации и слушать патефонные пластинки. Хазанович помогла ему получить заем, а также произвела расчеты по перевозкам [Хазанович 1983: 52], что, вероятно, помогло ей уговорить Асянду взять ее в свое кочевье: «Ты член кочевого совета, передовой человек, должен первый показать пример и взять с собой на кочевье учителя. А польза будет большая, сам потом увидишь» [Хазанович 1939: 12]. В апреле 1937 года Асянду взял Хазанович в кочевой маршрут своей семьи, то есть стал ее проводником. Он был основным, а возможно, и единственным учеником Хазанович на стойбище. Его категорическим условием было: «Я старший в стойбище начальник, я буду учиться... Молодые не будут учиться. Нганасан такая вера» [Там же: 26]. За полгода работы с семьей Васептэ Асянду Амалия Хазанович обучала его русскому письму, а всех жителей стойбища — «гигиеническим» практикам, играла с детьми в мяч, рассказывала о жизни в Советском Союзе, проводила собрания в честь советских праздников. За это время она сблизилась с жителями стойбища. Обучение русской грамоте вместе с советским просвещением здесь важно для понимания письма Даши Купчик, написанного на стандартном русском языке, и той эмоциональной реакции, которую оно вызвало у Хазанович. Важен также и подход Хазанович к реализации советского современного проекта через обмен знанием на повседневном уровне:

Меня прислали сюда жить с вами вместе, работать с вами вместе. Буду спрашивать у вас, чего я не знаю, а вы все хорошо знаете: какая земля, по которой вы аргишите (кочуете), какие реки, озера встречать будем, какая рыба есть здесь, как постели выделывать, ну про всякую нганасанскую работу, которую я не знаю. А я буду учить вас грамоте, буду рассказывать о людях с Большой земли, о советской

-
- 6 Известно также, что Хазанович, будучи в тундре, отправляла своим «информантам» письма на бересте (падерка), используя пиктографическое письмо, а не алфавит, для передачи сообщения [Хазанович 1939: 17—18; 1983: 68].
- 7 Стоянка-стойбище на зимнем оленьем тракте от Дудинки до Хатанги [Дьяченко 2017: 74].

власти, о новом законе — Сталинской Конституции, о партии, о комсомоле, о колхозах, о пароходах и разных машинах [Там же: 20].

Упорство Хазанович в достижении своей цивилизаторской миссии, насколько мы можем судить по документам, не встретило протеста, как это бывало с просветителями, пытавшимися взаимодействовать с нганасанами в 1935 и 1936 годы [Там же: 11]⁸. И даже наоборот. Вот как о ней говорил Васептэ Асянду на привычной для него говорке (его слова передает Хазанович в своих опубликованных дневниках): «Ты беда умный человек, сила большая у тебя, будто не баба, а мужик ты. Век одну, самую правильную говорку гоняешь». «Сильная баба» в устах Васепте звучала как признание моего авторитета» [Там же: 45—46]. Насколько признание статуса Хазанович нганасанами соответствует действительности, сказать трудно, но оно повторялось и в более поздних публикациях уже биографов Хазанович [Чукова 1990: 57], а также в архивном оригинале письма Даши Купчик: «Пишу письмо не только от себя, но и от нганасанского народа. Они меня попросили написать Вам письмо... Нганасаны говорят Ама четоа няга Нанаса [Ама — хороший человек]. Передают большой привет и желают долгих лет жизни»⁹. Этот вероятный успех был не столько победой «советского» над «отсталостью», сколько коммуникативным успехом Хазанович, которая, проведя много лет в таймырской тундре и поняв многое в социальных и экономических отношениях внутри местных сообществ, смогла доказать важность и нужность собственного присутствия и, как следствие, оправдать приход советской власти на Таймыр.

Более того, история Амалии Хазанович и Асянду Васептэ также показывает, что члены местных сообществ, знакомясь с приезжими просветителями и учеными, уже были включены в советскую систему управления на местах и, сотрудничая с ними, получали дополнительные социальные дивиденды. Васептэ Асянду был членом кочевого совета и на первой встрече с Хазанович говорил о весеннем плане грузоперевозок [Там же: 12]. Она обращалась к нему: «Ты хорошо знаешь русское слово, ты член кочевого совета, самый большой начальник здесь» [Там же: 20]. Кочевание с Хазанович, ее деятельность по советскому просвещению и изменению жизни в тундре как заведующей Красным чумом повлияли на Асянду, который, во многом благодаря этому влиянию, стал председателем правления промыслово-охотничьего товарищества «Путь Ильича», собрание по организации которого проводила сама Хазанович [Там же: 47].

В поздней редакции своих дневников Амалия Хазанович описывает встречу и диалог с Васептэ Асянду на Таймыре по прошествии многих лет (за десятилетие до письма Даши Купчик):

— Как живешь? Я тебя более десяти лет не смотрел, а ты, однако, совсем не менялась, пошто так? ...

— Васептэ, ты лучше Расскажи, как сам живешь, как здоровье?

— Я живу трудно. Колхоз работа большая: план пушнины большой, опять рыбы. Оленей надо беречь... Тебя хорошо помнят. Век спрашивают, бывает, я тебя

8 Ср. также с более поздними случаями отторжения такой политики со стороны чукчей [Михайлова 2015].

9 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 682. Оп. 1. Д. 43. Л. 22, 22 об. Хазанович Амалия Михайловна — метеоролог. 1912—1986. Письма от Д. Купчик. 1964—1971. Письмо от 9 мая 1964 года.

видал. Теперь всем скажу: видал, близко видал. Ты почему нас забыла, не едешь к нам? Приезжай, гостевать будешь, сама всех посмотришь [Хазанович 1983: 200].

Прощаясь с Асянду, Хазанович дала ему свой адрес на случай, если он будет в Москве, и пригласила в гости, используя конструкцию говорки: «бывает», «быват» (может быть): «Бывает, в Москву прилетишь, обязательно заходи» [Там же]. До Москвы Асянду не доехал, но адрес, по всей видимости, оказался полезным для дальнейших писем уже его внучки Даши Купчик, с цитаты из которых я и начала эту часть статьи. При этом следует отметить, что Хазанович значительно отредактировала письма Купчик, соединив вместе несколько писем, которая та писала Хазанович в течение восьми лет с 1964 по 1971 год¹⁰. В обобщенном опубликованном письме Хазанович собрала факты, которые были важны в первую очередь ей самой: близкие отношения с нганасанами, влияние ее работы на образовательные проекты на Таймыре и новый советский быт тех, кто уже перешел на оседлый образ жизни. Этим «письмом» она как бы подводила итоги своей работы в 1930-е годы.

Опубликованное Хазанович письмо Даши Купчик вобрало в себя более чем тридцатилетнюю историю советского проекта с его видением будущего в попытке изменить жизнь коренных народов Севера. На уровне же личных коммуникаций советский проект реализовывался через близкие отношения советских активистов с коренными жителями тундры, сопровождавшиеся обменом знанием и эмоциями, в том числе и в письмах. Через эмоциональную составляющую может быть рассмотрен и памятник Хазанович конца 1980-х годов в таймырском поселке Новая в виде конической стелы с надписью:

Мы пришли к тебе, Ама, нганасаны — твои друзья,
Нам отцы передали, что должна ты вернуться сюда.
Мы хотим твои мысли превратить в добрый долгий рассказ,
На саях наших быстрых унести твой последний наказ¹¹.

Этот памятник, как и его послание, также встраивается в цепочку реципрокных отношений. Фразы «вернуться сюда» и «твой последний наказ» отсылают к последней «отдаче» Хазанович полю: урна с прахом инструктора Красного чума была отправлена на Таймыр и на вертолете повторила маршрут ее аргиша-кочевья с нганасанами над таймырской тундрой, затем была помещена в нишу этого памятника [Чукова 1990: 62].

Нумаку Чунанчар и Борис Долгих

В архиве советского этнографа Бориса Осиповича Долгих хранится письмо от нганасана Нумаку Чунанчара¹², написанное карандашом на двух пожелтевших тетрадных листах и датированное предположительно концом 1950—1960-х годов:

10 Там же.

11 См.: [Чукова 1990: 62], а также: Поездка в Новую. 2021. 22 марта // <https://хатанга.рф/novosti/284-poezdka-v-novuyu.html> (дата обращения: 10.08.2024).

12 Научный архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук (НА ИЭА РАН). Фонд Долгих. Папка 2.

Здравствуйте, мой наилучший друг Борис Осипович. С приветом к вам Нумаку. Я нашел то, что вы искали (дяли¹³), по нашему (сатари бонга дяли¹⁴) я его нашел на берегу, его редко находят люди. Я его нашел 8 августа.

Я еще забыл вам сказать о так как жили люди, прошлые времена.

Быль → (написано на полях, за линией красной строки. — М.М.) Раньше жили люди, у них не было пищи, ничего. И таки помирают. Кто оствовался живым, тот шаманил шаман, на добичи пищи...¹⁵.

Борис если вы даёте деньги то пошлите с Егором.

Я рассказал вам (Быль)¹⁶

Несмотря на неопределенность даты письма, оно позволяет мне все-таки рассмотреть контекст реципрокного диалога между исследователем и его «информантом». Написанное явно после окончания полевых исследований, письмо показывает, что интеллектуальные и экономические отношения, возникшие, как будет показано ниже, в поле, продолжались и после него. Передача денег за информацию или вещи через запрос в письме как часть реципрокного диалога будет в центре моего анализа в этой части статьи.

Прежде чем перейти к собственно анализу, отмечу, что, как и в истории с письмами, отправленными Амалии Хазанович, мы наблюдаем, как местные корреспонденты умело использовали несколько языков: русский стандартный язык, нганасанские термины для обозначения традиционных вещей или для описания отношений (как в письме Купчик), а также говорку при пересказе «были». При чтении «были» сперва возникает ощущение, что в тексте есть ошибки, но Чунанчар скорее сохраняет особенности устной речи на пиджине, например используя фразу «таким помирают», что показывает его чувствительность к языковым регистрам и переключение между ними.

Отношения между Борисом Долгих и Нумаку Чунанчаром начались по крайней мере с 1938 года, когда Чунанчар был проводником Долгих во время экспедиции¹⁷. К этому времени Долгих уже был довольно опытным полевым исследователем (см. его биографию: [Вайнштейн 2002]) после участия в проведении первой приполярной переписи 1926 и 1927 годов, собиравшей сведения о социально-экономическом положении жителей отдаленных районов Сибири [Андерсон 2005]. Одной из основных задач переписи был сбор информации об этнической идентичности населения Севера с целью выстраивания дальнейшей национальной политики (см.: [Хирш 2022]). Государственный статист Борис

13 Дялы (нганасан.) — круглая подвеска, украшение [Костеркина и др. 2001: 54].

14 Сатара-бонка (нганасан.) — Песцовая нора. Название одной из «поколок» на реке Таймыра — «постоянных мест переправы через реку вплавь диких оленей, где нганасаны кололи этих животных копытами с челноков» [Долгих, Файнберг 1960: 16].

15 Далее следует история о том, как шаман сначала сказал людям смешивать снег с водой, чтобы получать жир. Но без шамана это превращение не работало. После этого шаман сказал людям ловить куропаток. С тех пор охотники сами находят добычу.

16 Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

17 Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф 7886/216. Долгих Б.О. Дневник поездки 1938—1939 года. Тетрадь 9. 31.08.1938—07.10.1938. Л. 35. 25 сентября 1938 года.

Долгих, увлекшийся сложностью этнической мозаики Сибири, превратился из переписчика в крупного сибирского этнографа и собрал в 1920—1930-е годы огромный корпус материалов для своих будущих работ по этническому составу и этнической истории народов Севера и Сибири [Долгих 1929; 1949; 1960].

Этнографическая экспедиция Бориса Долгих 1938 года, где он сблизился с Чунанчаром, была во многом продолжением его этноисторических увлечений 1920-х годов. Он интересовался фольклорными текстами и их жанровыми особенностями, целенаправленно ездил от стойбища к стойбищу в поиске «сказок» и «легенд». Запись из дневника этнографа от 8 октября 1938 года: «Пошел в чум Кими и Тоно. Там насилу достал 4 плохоньких сказки, затем вернулся обратно. Вечером Полемптэ сын Дюрююкири (неразборчиво. — М. М.) рассказал прекрасную легенду оленекского типа через переводчика Нере»¹⁸. Вероятно, Долгих характеризует сказки как «плохонькие», потому что они не давали ему достаточно информации для реконструкции прошлого нганасан, в отличие от «прекрасных» легенд, которые он мог использовать для «восстановления» исторических событий.

Зная об увлечении Долгих историческими нарративами, Нумаку Чунанчар не случайно использует термин «быль» в письме для классификации своего небольшого и, возможно, недостаточно информативного текста. Тем самым он продолжал «удаленно» помогать Долгих в сборе и классификации материала по миграциям нганасан в период до российской колониальной экспансии на Таймыр в XVII веке [Долгих 1960: 133]. Краткость записи «были» в письме Чунанчара может быть объяснена тем, что он не был большим знатоком фольклора, работая председателем местного колхоза, что и сделало его одним из проводников Долгих. Вот как о нем отзывался коллега Долгих, ездивший с ним в экспедиции, Лев Файнберг:

Часто к нам заходил и Нумаку Чунанчар, симпатичный старик с добрыми глазами и неизменной трубкой в зубах. В отличие от Атакая [Турдагина], он неважно разбирался в фольклоре¹⁹, но зато мог досконально рассказать об организации колхоза у нганасан, первым председателем которого он когда-то был [Файнберг 1962: 428—429].

Обращение Долгих к председателю колхоза стать проводником в полевых исследованиях сначала в 1938 году и позже в 1950-е, вероятно, было неслучайным. Репрессированный в 1929 году и отбывший четырехлетнюю ссылку Долгих, возможно, выбирал «официальный» путь вхождения в поле, чтобы обезопасить себя. Взамен он делился с Нумаку Чунанчаром «правильным» знанием о советских вождях, что было полезно для построения советской карьеры. Запись в полевом дневнике Долгих от 28 сентября 1938 года: «Еду рядом с Нумаку, он расспрашивает о биографии Ленина и Сталина. Когда они родились. Когда умер Ленин. Отчего он умер. Проверяет свои данные о гражданской войне»²⁰.

18 Там же. Л. 1.

19 Тем не менее 16 августа 1961 года Долгих записал от Нумаку Чунанчара два небольших повествования в поселке Усть-Боганида под заголовками «Глупый Хосю» и «Шаман надя-нюо» (см.: НА ИЭА РАН. Фонд Долгих. Папка 2).

20 ККМ. О/ф 7886/216. Долгих Б.О. Дневник поездки 1938—1939 года. Тетрадь 9. 31.08.1938—07.10.1938. Л. 47. 28 сентября 1938 года.

В архивных материалах экспедиции 1957 года есть также указание, что Чунанчар был не только проводником, но вместе с другими нганасанами был вовлечен в планирование хода экспедиции²¹. Это лишь один фрагмент из дневника Бориса Долгих (запись 2 августа 1957 года): «Беседовал с Нумаку, Ере и Дюдуме о задачах, стоящих перед нашей экспедицией (новое и старое²²), подарил Нумаку трубку»²³. Подаренная одному лишь Нумаку трубка из Москвы могла означать более близкие отношения между ними, которые сложились еще в предыдущих экспедициях этнографа. Долгих, конечно, знал, что курительные трубки были важным элементом нганасанской повседневности и символической культуры [Попов 1936: 28, 33]. Вероятно, совместная работа, обмен подарками и взаимная помощь стали тем важным обстоятельством, которые сделали Долгих «наилучшим другом» для Чунанчара, как тот обращается к нему в письме. Коллеги Долгих вспоминали, что Нумаку Чунанчар действительно считал Долгих близким человеком и, зная о скором приезде этнографа, мог подолгу ждать его у берега реки [Любовцев, Симченко 1968: 209—210]²⁴.

Вернемся к письму. Как человек, знавший интересы Долгих и его полевые практики, он, вероятно, осознавал важность этнографической «были» и информации о вещах²⁵ для Долгих. Вероятно, это знание и дружеские отношения с этнографом позволили ему поднять вопрос об оплате. Стоит сказать, что сам Долгих в своих экспедициях в 1930-е годы с прилежностью бухгалтера документировал финансовые расходы, среди статей которых была и оплата «за сказки», что составляло почти десятую часть его экспедиционного бюджета²⁶. Продолжал он это делать и позже, в 1958 году²⁷, что говорит об устоявшейся практике экономических отношений между этнографом и его «информантами», а позже и корреспондентами.

С одной стороны, мы можем интерпретировать эти отношения как превращение местных нарративов и традиционных вещей в ликвидный товар на возникшем рынке отношений между исследователями и «информантами», несмотря на то что этот рынок функционировал внутри социалистической экономики. С другой стороны, стоит иметь в виду, что практика одаривания сказителя или же выделения на него пая, например после охоты, была широко распространена среди сибирских охотников. В обеих логиках вопрос об оплате со стороны Нумаку Чунанчара, был вполне легитимен.

Несмотря на присутствие прямого экономического обмена в полевой практике советских этнографов, мне бы хотелось рассмотреть просьбу денег в контексте письма как встроенную в более широкий реципрокный обмен и институт взаимопомощи. Это подтверждают полевые наблюдения сибирских антропологов. Джон Зайкер, работавший на Таймыре в 1990-е годы, пишет о практиках неформального обмена и взаимопомощи у долган и нганасан в среде друзей

21 НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 3. Д. 1063. Северная экспедиция. Таймырский отряд. Долгих Б.О. Дневник № 1. 31.07.1957—25.08.1957. Л. 2 об.

22 Сравнивать новый и старый быт.

23 Там же. Л. 3 об.

24 См. также дневниковую запись самого Долгих: Там же. Л. 2 об.

25 Возможно, артефакт «дяли» также был передан Долгих вместе с письмом.

26 ККМ. О/ф 7886/216. Тетрадь 9. 31.08.1938—07.10.1938. Л. 88. Долгих Б.О. Дневник поездки 1938—1939 года. 6 октября 1938 года.

27 НА ИЭА РАН. Ф. 44. Оп. 3. Д. 1063. Л. 99—100. Северная экспедиция. Таймырский отряд. Долгих Б.О. Дневник № 1. 31.07.1957—25.08.1957.

или родственников через распределение добытого мяса и рыбы, помощи деньгами или услугами [Ziker 2002: 120]. Ненецкий антрополог Елизавета Яптик отмечает, что обмен оленя на нарту приобретает черты дарообмена в случае близких отношений участников акта обмена. Эта же логика работает и при замещении объектов натурального обмена деньгами. Так, покупка у знакомого продавца может быть осуществлена по более низкой цене или даже в долг [Яптик 2023: 97]. Упоминание денег в письме Нумаку Чунанчара также может быть рассмотрено с точки зрения института взаимопомощи между сблизившимися людьми. Автор письма не устанавливает сумму, которую просит, и напрямую не связывает деньги с «быльё» или артефактами. «Если вы даёте деньги» может означать, что если в качестве реципрокного ответа этнограф выбирает деньги, то их нужно будет послать с человеком, упомянутым в письме.

Эта многослойная история достаточно скупого письма Нумаку Чунанчара Борису Долгих открывает перед читателем зафиксированное в письменной форме сложное переплетение социальных и экономических отношений как внутри коренных сообществ на Таймыре, так и с приезжими этнографами в реципрокном диалоге. Вовлеченность в экономические обмены, а также присутствие государства в отношениях между исследователями и членами сообществ, которые зачастую невидимы в опубликованных текстах советских этнографов, раскрывается в уцелевших фрагментах переписки или кратких технических записях, как правило, сохранившихся на последних страницах полевых дневников.

Александр и Анна Момде и Наталья Терещенко

В архиве лингвиста Натальи Митрофановны Терещенко, известной своими многочисленными работами по ненецкому и нганасанскому языкам и фольклору, сохранилось несколько писем, полученных ею от нганасан, а также копий ее ответных писем. Обмен этими письмами происходил, когда Терещенко уже прекратила свою активную полевую работу²⁸ и обрабатывала полевые записи прошлых лет, превращая их в академические статьи и монографии. Эта трансформация полевых материалов в академические тексты, которую я обсуждала в самом начале статьи, зачастую нивелировала голоса из поля. Однако сохранившиеся письма после поля позволяют увидеть, насколько точность лингвистического перевода и интерпретации текстов лежали на плечах не только лингвистов, но и их «информантов», а точнее — корреспондентов. Вместе с этим они показывают роль переписки в темпоральном и пространственном расширении поля, в котором исходное властное неравенство постепенно перерастало в более сложные отношения взаимных симпатий и даже зависимости.

28 Во время полевой работы на Таймыре в 1961 и 1962 годах по составлению грамматики нганасанского языка Наталья Терещенко уже работала с Александром Момде, уточняя фонемный состав языка по произношению своего «информанта» [Терещенко 1979: 26], а также с упомянутой выше Дашей Купчик, которая взамен училась у Терещенко письменной записи нганасанского языка: «Буквы на нганасанском языке знаю. Их узнала от Натальи Митрофановны Черещенко (так в тексте. — М.М.)...» (РГАЭ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 43. Л. 22 — 22 об. Письмо Даши Купчик к Амалии Хазанович от 9 мая 1964 года).

В архиве Терещенко хранится несколько сказок на нганасанском языке, в том числе полученных, вероятно, по почте. Переписка между семьей Александра и Анны Момде и Терещенко представляет собой фрагмент долгого письменного диалога на профессиональные темы с уточнением переводов и терминологии в этих сказках²⁹. Этот диалог также раскрывает многослойность полувековой истории образования коренных народов Севера и Сибири в Институте народов Севера (основан в 1925 году) при Педагогическом институте имени А.И. Герцена в Ленинграде, внутри которого формировалась «северная интеллигенция», где Терещенко работала в 1930-е годы, а Момде учился в 1960-х годах, вероятно, по протекции и рекомендации Терещенко³⁰, но был призван в армию. После демобилизации он ушел из института, но продолжил работу с нганасанским языком и сбором фольклора в тесном контакте с Терещенко и стал автором словарей нганасанского языка [Костеркина и др. 2001; Момде, Арон 1992] и создателем рубрики на нганасанском языке в газете «Советский Таймыр»³¹.

Бывшие студенты Института народов Севера продолжали поддерживать отношения с преподавателями, выступая для последних своеобразным «ближайшим полем», по выражению лингвиста Марины Люблинской [Люблинская 2006]. История Момде и Терещенко может служить иллюстрацией отношений такого рода, несмотря на то что Терещенко и не была его формальным учителем. Идея «ближайшего поля» в нашем случае может быть рассмотрена и как близкие отношения исследователей и «информантов», проявлявшиеся в эмоциональной поддержке в письмах, о которой будет сказано ниже, и совместном проживании во время работы с языковым материалом³². Этот исторический и биографический контекст позволяет лучше понять переписку Терещенко и Момде как письменный диалог учителя и ученика, в котором передача знания перестает быть однонаправленным вектором, и знания ученика оказываются очень важны для учителя в том числе для публикации монографии по грамматике нганасанского языка [Терещенко 1979].

В этой переписке работа шла над корпусом сказок, которые должны были быть опубликованы приложением к книге, возможно, к упомянутой грамматике, но так и не были опубликованы: «К книжке приложим самые интересные сказочки и словарик. Тогда будет хорошая работа, и от нас с тобой останется какая-то память — не зря проживем на свете»³³. Для этого постараемся реконструировать ход этой работы. Сначала Александр Момде прислал текст сказки на нганасанском языке в рукописи, Наталья Терещенко ее перепечатала и попросила добавить перевод, проверить текст и обратить внимание на расстановку специальных фонетических знаков:

-
- 29 Нельзя исключать, что часть из этих писем были неотправленными черновиками.
 30 Наталья Терещенко познакомилась с Александром Момде, когда тот учился в 10-м классе школы поселка Волочанка на Таймыре. С тех пор он стал ее «информантом», позже в этой роли стала выступать и его жена Анна Алексеевна Момде [Люблинская 2002: 564].
 31 Родная речь. Нэтуямьяэ сиэде // Советский Таймыр. 1993. 4 августа.
 32 В конце 1970-х годов семья Момде жила у Натальи Терещенко в Ленинграде во время работы над грамматикой нганасанского языка (личное сообщение Марины Люблинской).
 33 Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН). Фонд Терещенко. Оп. 1. Д. 62. Л. 47. Письмо от 5 мая 1969 года.

Саша! Посылаю тебе твою сказочку. Она очень интересная и записана хорошо. Но в ней нигде не поставлены «перевертки»³⁴, почти нет гортанных смычных. Я их наставила много, возможно и там, где не надо. Мне трудно отделить дифтонги от двух гласных, разделенных гортанным. Наверное, есть невыправленные опечатки. В общем, проверь, пожалуйста, самым внимательным образом и исправь все, что надо.

К сказке надо дать точный перевод, по возможности переведа каждое слово. Там, где будет получаться непонятно, в скобках надо дать перевод по смыслу...

Впрочем, ты ведь сам хорошо знаешь, как надо делать³⁵.

Работа над сказкой растянулась на долгий период и стала одной из главных тем переписки, сопровождаемой просьбами тщательной перепроверки: «Сегодня получила сразу три твоих письма. Пишешь, что не проверил в сказке “перевертки” и “лягушки”. А ведь это очень важно. Посылаю тебе текст обратно»³⁶. Ожидание писем беспокоило Терещенко: «Очень долго идет почта даже авио (sic!). Отправила я свое письмо 14 февраля. Следовательно, в оба конца ровно месяц. Вот это космическая скорость!»³⁷, — поэтому она давала инструкции на случай перебоев в почтовой логистике: «Если будет плохо ходить почта, пожалуйста, работай самостоятельно. Запиши старательно две-три сказки (сколько успеешь) с точным обозначением звуков и с дословным переводом на русский язык (где надо, с пояснениями)»³⁸.

Отвечая на запросы лингвиста, порой Александру и Анне Момде приходилось проводить самостоятельный анализ материалов и полевые исследования среди своих родственников и знакомых. Например, сравнивать этноботаническую терминологию русского и нганасанского языков при переводе русского текста на нганасанский. Момде писал: «...некоторые слова не переводятся, например... “толстым вязом” — такого дерева у нас нет, и, следовательно, и перевода нет. Написал дербайка”а мунку — толстое дерево»³⁹. Схожий эпистолярный прием использовался Терещенко при запросе описаний нганасанской системы родства и имянаречения, информация о которой была использована в работе об именах нганасан [Терещенко 1971]⁴⁰.

Помимо профессиональной работы над языковыми материалами, этим письмам сопутствовал обмен. Из письма мы узнаем, что, как и в случае с трубкой, подаренной Долгих Чуначару, Наталья Терещенко отправляла вещи, нужные на Севере, такие как солнцезащитные очки⁴¹ или ручки: «Хорошо, что ты доволен ручками. Солнечные очки вышли в ближайшие дни. Кажется, они

34 В письмах используются два термина — «перевертки» и «лягушки», которые, по всей видимости, относятся к специальным фонемам нганасанского языка, таким как э, џ, или з. Текст на нганасанском языке лингвист набирала на обычной машинке, а специальные фонемы проставляла ручкой.

35 ИЛИ РАН. Фонд Терещенко. Оп. 1. Д. 62. Л. 46. Письмо от 14 марта 1969 года.

36 Там же. Л. 47. Письмо от 5 мая 1969 года.

37 Там же. Л. 45. Письмо от 14 марта 1969 года.

38 Там же. Л. 47. Письмо от 5 мая 1969 года.

39 ИЛИ РАН. Фонд Терещенко. Оп. 1. Д. 59. Л. 9. «“Лисичка”. Перевод сказки на ненецкий и нганасанский языки».

40 ИЛИ РАН. Фонд Терещенко. Оп. 1. Д. 62. Л. 48—52. Письмо от 5 мая 1969 года.

41 Отмечу, что традиционно нганасанские охотники использовали очки из кожи, похожие на маску, со вставленными круглыми медными пластинами с горизонтальными прорезями [Попов 1936: 32].

есть в магазинах»⁴². Солнцезащитные очки были необходимы в заснеженной тундре при ярком весеннем солнце, а шариковые ручки незадолго до этого запущенные в производство были в дефиците в местных магазинах.

В письмах мы видим и заботливую наставническую риторику, касающуюся поведения в повседневной профессиональной жизни: «Конечно, у тебя все еще впереди. Но жизнь проходит быстро. Не успеешь оглянуться, как уже подошли зрелые годы, а потом и старость. Поступать обдуманно надо с молодых лет»⁴³; а также обсуждение эмоций: «Не обижайся, я ведь хочу тебе только добра... Вообще ничего не следует делать сгоряча. Надо спокойно обдумать, а уже потом принимать решения»⁴⁴. Заканчиваются письма упоминанием супруги Анны и ее помощи в работе над языковыми материалами: «Очень рада, что у нас с тобой появилась еще помощница. Передай от меня большой привет Ане. Думаю, что мы с ней подружимся»⁴⁵. Обмен благодарностями друг другу за профессиональную работу в публикациях Терещенко и Момде также может быть рассмотрен как часть реципрокного диалога [Момде, Арон 1992: 3; Терещенко 1979: 13].

Наталья Терещенко, как Хазанович и Долгих, также не прекращала советской агитационной деятельности и эмоционально наставляла в письме своего ученика Александра Момде в том, как лучше вести себя в построении профессионального пути после службы в Советской армии: «В армии ты зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Делай также и на “гражданке”»⁴⁶; в том числе на партийной службе: «Бороться с непартийностью в рядах партии необходимо, но только не такими способами (не эмоциональными опрометчивыми заявлениями. — М. М.)»⁴⁷. Советская биография Александра Момде включает в себя и работу в Красном чуме, где он начал интересоваться этнографией и фольклором нганасан⁴⁸. Обсуждения политической карьеры в письмах, вероятно, повлияли на судьбу и супруги Александра — Анны Момде, которая была учительницей нганасанского языка в начальной школе и членом КПСС, а также имела опыт работы инструктором Красного чума в 1960—1970-е годы, заведующей партийной библиотеки в Волочанке и своей деятельностью заслужила репутацию ответственного парторга⁴⁹. Спустя многие годы она будет переосмысливать свой советский опыт, и это станет поводом ее сотрудничества с ненецким и финским режиссерами-документалистами Анастасией Лапсуй и Маркку Лехмускаллио, которые снимут о ней фильм «Анна» (1997)⁵⁰.

* * *

В основе настоящей статьи — три истории переписки между исследователями и их знакомыми-нганасанами. В них мы находим свидетельства диалогов, об-

42 ИЛИ РАН. Фонд Терещенко. Оп. 1. Д. 62. Л. 47. Письмо от 5 мая 1969 года.

43 Там же. Л. 45. Письмо от 14 марта 1969 года.

44 Там же.

45 Там же.

46 Там же. Л. 46. Письмо от 14 марта 1969 года.

47 Там же.

48 Порбина Л. Жила такая пара... // Таймыр. 2013. 30 мая. Заметка опубликована в рубрике «Нам пишут».

49 Там же.

50 <https://doclisboa.org/2023/en/filmes/anna/> (дата обращения: 27.07.2024).

мена знанием и эмоциями, сведения об экономических обменах. Однако внимательное прочтение этих позднесоветских писем позволяет понять, насколько важную (хотя и не всегда очевидную) роль в производстве знания играли исследуемые представители коренных народов, а их взаимодействие со столичными учеными было встроено в советскую инфраструктуру производства знания. В литературе, посвященной советскому нацистроительству, фигура этнографа обычно занимает важное место [Андерсон 2004]. При этом, как я показала выше, собеседники-«информанты» этнографов остаются невидимыми, несмотря на активное участие в организации исследований и поддержании жизни советских институтов на местах.

Конечно, помощь исследователям, как и вовлеченность «информантов» в советское государственное управление, не была одинаково обязательной и повсеместной на протяжении советской истории. Николай Вахтин и Елена Лярская показывают в своей статье в настоящей подборке, насколько разнообразными были отношения в сибирском и северном поле в 1920—1930-е годы, а Елена Михайлова на примере советского этнографа Варвары Кузнецовой описывает сопротивление чукчей приезжему исследователю, навязывающему советские правила поведения и говорения в 1950-е годы [Михайлова 2015]. Однако три случая, проанализированные в тексте, дают примеры устойчивых реципрокных связей. Из переписки этнографа, лингвиста, советского активиста и их «информантов» мы можем выявить сложные системы обмена и взаимных обязательств, которые формируют социальные отношения во время полевой работы и после ее окончания в условиях разворачивания советского современного проекта, социального неравенства и подавления языкового и культурного разнообразия.

Реконструируя микроуровень коммуникации, мы можем видеть письма как сложные инструменты коммуникации, включавшие в себя помимо прочего отношения обмена и эмоциональное измерение, а кроме того, преодолевшие властные асимметрии. Во всех трех историях это особенно заметно на примере языка, которым пользовались корреспонденты. Письма, в отличие от публиковавшихся в это же время этнографических работ, содержали большее языковое разнообразие, поскольку включали в себя отрывки на нганасанском языке и пиджине говорке. Стандартный русский язык выступал в письмах не языком подавления локальных языков, а средством их описания и передачи значений слов русскоязычным исследователям, не владеющим нганасанским языком на уровне их собеседников. Вместе с этим письма были не только одним из инструментов в инфраструктуре производства академического знания, но и проводниками знания политического. Для представителей коренных народов переписка с исследователями и советскими активистами становилась в том числе инструментом поддержания престижа и даже построения карьеры, а вместе с этим адаптации и «выживания» внутри советской системы.

Таким образом, исследование писем на разных уровнях — языка, содержания, сопутствующих практик обмена и гостевания, а также их включенности в советскую инфраструктуру — раскрывает те множественные точки пересечения линий жизни исследователей и их собеседников-«информантов», которые в конечном счете, как пишет Дмитрий Арзютов, неотделимы друг от друга в истории антропологии [Arzyutov 2024].

Библиография / References

- [Андерсон 2004] — *Андерсон Д.Дж.* Б.О. Долгих и Приполярная перепись 1926—1927 гг. Статистика на службе у государственной этнографии // *Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Н.П. Макаров.* Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. С. 21—40.
- (*Anderson D.G.* B.O. Dolgikh i Pripolyarnaya perepis' 1926—1927 gg. Statistika na sluzhbe u gosudarstvennoy etnografii // *Etnosy Sibiri. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee: Materialy mezhdunarodno nauchno-prakticheskoy konferentsii: In 2 pts. Pt. 1 / Ed. by N.P. Makarov.* Krasnoyarsk, 2004. P. 21—40.)
- [Андерсон 2005] — *Андерсон Д.Дж.* Туруханская экспедиция Приполярной переписи 1926—27 гг. на перекрестке двух научных традиций // Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Д.Дж. Андерсон. Красноярск: Поликор, 2005. С. 7—33.
- (*Anderson D.G.* Turukhanskaya ekspeditsiya Pripolyarnoy perepisi 1926—27 gg. na perekrestke dvukh nauchnykh traditsiy // *Turukhanskaya ekspeditsiya Pripolyarnoy perepisi: etnografiya i demografiya malochislennykh narodov Severa: Sb. nauch. trudov / Ed. by D.G. Anderson.* Krasnoyarsk, 2005. P. 7—33.)
- [Арзютов, Кан 2013] — *Арзютов Д.В., Кан С.А.* Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // *Этнографическое обозрение.* 2013. № 6. С. 45—68.
- (*Arzyutov D.V., Kan S.A.* Kontseptsiya polya i polevoy raboty v ranney sovetskoj etnografii // *Etnograficheskoe obozrenie.* 2013. No. 6. P. 45—68.)
- [Арзютов и др. 2024] — *Арзютов Д., Кан С., Сирагуза Л.* Res Publica Literaria Франца Боаса, или как построить транснациональную антропологию с помощью писем // *Новое литературное обозрение.* 2024. № 189. С. 10—27.
- (*Arzyutov D., Kan S., Siraguzha L.* Res Publica Literaria Frantsa Boasa, ili kak postroit' transnatsional'nyu antropologiyu s pomoshch'yu pisem // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2024. No. 189. P. 10—27.)
- [Вайнштейн 2002] — *Вайнштейн С.И.* Судьба Бориса Осиповича Долгих — человека, гражданина, ученого // *Репрессированные этнографы / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин.* М.: Восточная литература, 2002. С. 284—307.
- (*Vaynshteyn S.I.* Sud'ba Borisa Osipovicha Dolgikh — cheloveka, grazhdanina, uchenogo // *Repressirovannye etnografy / Ed. by D.D. Tumarkin.* Moscow, 2002. P. 284—307.)
- [Долгих 1929] — *Долгих Б.О.* Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района // *Северная Азия.* 1929. № 2. С. 49—76.
- (*Dolgikh B.O.* Naselenie poluostrova Taymyr i prilegayushchego k nemu rayona // *Severnaya Aziya.* 1929. No. 2. P. 49—76.)
- [Долгих 1949] — *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири // *Краткие сообщения Института этнографии.* 1949. № 5 (1). С. 71—85.
- (*Dolgikh B.O.* Rodovoy i plemennoy sostav narodnostey Severa Sredney Sibiri // *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii.* 1949. No. 5 (1). P. 71—85.)
- [Долгих 1960] — *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- (*Dolgikh B.O.* Rodovoy i plemennoy sostav naseleniya Sibiri v XVII v. Moscow, 1960.)
- [Долгих, Файнберг 1960] — *Долгих Б.О., Файнберг Л.А.* Таймырские нганасаны // *Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера / Ред. Б.О. Долгих.* М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
- (*Dolgikh B.O., Faynberg L.A.* Taymyrskie nganasany // *Sovremennoe khozyaystvo, kul'tura i byt malyykh narodov Severa / Ed. by B.O. Dolgikh.* Moscow, 1960.)
- [Дьяченко 2017] — *Дьяченко В.И.* «Большая русская дорога» — территория этнокультурного взаимодействия на Таймыре // *Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири / Отв. ред. В.Н. Давыдов.* СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 72—135.
- (*D'yachenko V.I.* "Bol'shaya russkaya doroga" — territoriya etnokul'turnogo vzaimodeystviya na Taymyre // *Sotsial'nye otnosheniya v istorikokul'turnom landshafte Sibiri / Ed. by V.N. Davydov.* Saint Petersburg, 2017. P. 72—135.)
- [Костеркина и др. 2001] — *Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. Около 7000 слов. СПб.: Просвещение, 2001.
- (*Kosterkina N.T., Momde A.Ch., Zhdanova T.Yu.* Slovar' nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy. Okolo 7000 slov. Saint Petersburg, 2001.)

- [Люблинская 2002] — Люблинская М.Д. Нганасанская речь // Языки мира. Типология. Уралистика: Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания / Ред. В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева. М.: Индрик, 2012. С. 559—564.
- (Lyublinskaya M.D. Nganasanskaya rech' // Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika: Pamyati T. Zhdanovoy. Stat'i i vospominaniya / Ed. by V.A. Plungyan, A.Yu. Urmanchieva. Moscow, 2012. P. 559—564.)
- [Люблинская 2006] — Люблинская М.Д. Ближайшее поле (работа со студентами ИНС) // Материалы II Международного симпозиума по полевой лингвистике. Москва, 23—26 октября 2006 года. М.: Институт языкознания, 2006. С. 78—79.
- (Lyublinskaya M.D. Blizhayshee pole (rabota so studentami INS) // Materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma po polevoy lingvistike. Moskva, 23—26 oktyabrya 2006 goda. Moscow, 2006. P. 78—79.)
- [Любовцев, Симченко 1968] — Любовцев В., Симченко Ю. Тундра не любит слабых. М.: Мысль, 1968.
- (Lyubovtsev V., Simchenko Yu. Tundra ne lyubit slabyykh. Moscow, 1968.)
- [Михайлин, Беляева 2016] — Михайлин В., Беляева Г. Чужие письма: границы публичного и приватного в школьном кино 1960-х годов // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 (82). С. 106—128.
- (Mikhaylin V., Belyaeva G. Chuzhie pis'ma: granitsy publichnogo i privatnogo v shkol'nom kino 1960-kh godov // Neprikosnovennyy zapas. 2016. No. 2 (82). P. 106—128.)
- [Михайлова 2015] — Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция Варвары Григорьевны Кузнецовой. 1948—1951 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2015.
- (Mikhaylova E.A. Skitaniya Varvary Kuznetsovoy. Chukotskaya ekspeditsiya Varvary Grigor'evny Kuznetsovoy. 1948—1951 gg. Saint Petersburg, 2015.)
- [Момде, Арон 1992] — Момде А.Ч., Арон Н.М. Язык нганасан (русско-нганасанский разговорник). Норильск: Region, 1992.
- (Momde A.Ch., Aron N.M. Yazyk nganasan (russko-nganasanskiy razgovornik). Noril'sk, 1992.)
- [Плисова 2018] — Плисова В.В. Развитие советской системы образования в районах Крайнего Севера в 1934—1941 гг. (на материалах Таймырского Архива) // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность / Ред. С.А. Трофимова, И.Б. Трофимова, Л.Г. Гоцко. Красноярск: Краснояр. аграр. ун-т, 2018. С. 165—173.
- (Plisova V.V. Razvitie sovetskoj sistemy obrazovaniya v rayonakh Kraynego Severa v 1934—1941 gg. (na materialakh Taymyrskogo Arkhiva) // Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost', innovatsionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost' / Ed. by S.A. Trofimova, I.B. Trofimova, L.G. Gotsko. Krasnoyarsk, 2018. P. 165—173.)
- [Попов 1936] — Попов А.А. Тавгийцы: Материалы по этнографии авамских и ведевских тавгийцев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936.
- (Popov A.A. Tavgiytsy: Materialy po etnografii avamskikh i vedeevskikh tavgiytsev. Moscow; Leningrad, 1936.)
- [Попов 1948] — Попов А.А. Нганасаны. Вып. 1. Материальная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- (Popov A.A. Nganasany. Iss. 1. Material'naya kultura. Moscow; Leningrad, 1948.)
- [Терещенко 1971] — Терещенко Н.М. Личные имена у нганасанов // Этнография имен / Отв. ред. В.А. Никонов, Г.Г. Стратанович. М.: Наука, 1971. С. 40—44.
- (Tereshchenko N.M. Lichnye imena u nganasanov // Etnografiya imen / Ed. by V.A. Nikonov, G.G. Stratanovich. Moscow, 1971. P. 40—44.)
- [Терещенко 1979] — Терещенко Н.М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979.
- (Tereshchenko N.M. Nganasanskiy yazyk. Leningrad, 1979.)
- [Урманчиева 2010] — Урманчиева А.Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка // Инструментарий лингвистики: Sociolinguistic Approaches to the Non-Standard Russian / Ред. А. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, 2010. С. 179—198.
- (Urmanchieva A.Yu. Govorka: primer strukturno smeshannogo yazyka // Instrumentariy lingvistiki: Sociolinguistic Approaches to the Non-Standard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, 2010. P. 179—198.)
- [Файнберг 1962] — Файнберг Л.А. Поездка на Таймыр к нганасанам. Очерк // На суше и на море. Вып. 3. Повести, рассказы, очерки. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1962. С. 415—430.
- (Faynberg L.A. Pоеzdka na Taymyr k nganasanam. Oчерk // Na sushe i na more. Iss. 3. Povesi, rasskazy, oчерki. Moscow, 1962. P. 415—430.)
- [Хазанович 1939] — Хазанович А.М. «Красный чум» в Хатангской тундре. М.: Изд-во Главсевморпути, 1939.
- (Khazanovich A.M. "Krasnyy chum" v Khatangskoy tundre. Moscow, 1939.)

- [Хазанович 1983] — *Хазанович А.М.* Друзья мои нганасаны. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1983.
- (*Khazanovich A.M.* Druz'ya moi nganasany. Krasnoyarsk, 1983.)
- [Хархордин 2009] — *Хархордин О.В.* Дружба: классическая теория и современные заботы // Дружба: Очерки по теории практик / Ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 11—47.
- (*Kharkhordin O.V.* Druzhiba: klassicheskaya teoriya i sovremennye zaboty // Druzhiba: Ocherki po teorii praktik / Ed. by O.V. Kharkhordin. Saint Petersburg, 2009. P. 11—47.)
- [Хелимский 1987] — *Хелимский Е.А.* Русский говорка место казать будем (таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков: материалы рабочего совещания / Отв. ред. И.Ф. Вардудль, В.И. Великов. М.: Наука, 1987. С. 84—93.
- (*Khelimskiy E.A.* Russkiy govorka mesto kazat' budem (taymyrskiy pidzhin) // Vozniknovenie i funktsionirovanie kontaktnykh yazykov: materialy rabocheho soveshchaniya / Ed. by I.F. Vardudl', V.I. Belikov. Moscow, 1987. P. 84—93.)
- [Хирш 2022] — *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / Пер. с англ. Р. Ибагудлина. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- (*Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Moscow, 2022. — In Russ.)
- [Чукова 1990] — *Чукова Ю.* Москвичка из тундры // На суше и на море. Т. 30. М.: Мысль, 1990. С. 48—63.
- (*Chukova Yu.* Moskvichka iz tundry // Na sushe i na more. Vol. 30. Moscow, 1990. P. 48—63.)
- [Яптик 2023] — *Яптик Е.С.* Дарообменные отношения ямальских ненцев: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2023.
- (*Yaptik E.S.* Daroobmennye otnosheniya yamalskikh nentsev: PhD thesis. Moscow, 2023.)
- [Arzyutov 2024] — *Arzyutov D.* More Than a Shaman: The Life History of An Altai Shepherd Surrounded by Sacred Mountains, Siberian Ethnographers, and Anthropological Ideas // Anthropology of Siberia in the Making: Openings and Closures from the 1840s to the Present / Ed. by V. Vaté, J.O. Habeck. Vol. 50. Lit Verlag, 2024.
- [Besnier 1995] — *Besnier N.* Literacy, Emotion and Authority: Reading and Writing on a Polynesian Atoll. New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1995.
- [Clifford, Marcus 1986] — Writing Culture. The Poetics and Politics of Ethnography / Ed. by J. Clifford, G. Marcus. Berkeley; Los Angeles; London: University of California, 1986.
- [Denzin et al. 2008] — Handbook of Critical and Indigenous Methodologies / Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln, L.T. Smith. Sage, 2008.
- [Ferguson 2017] — *Ferguson J.* Words Like Birds: Sakha Language Discourses and Practices in the City. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017.
- [Gay Y Blasco, de la Cruz Hernández 2012] — *Gay Y Blasco P., de la Cruz Hernández L.* Friendship, Anthropology // Anthropology and Humanism. 2012. No. 37 (1). P. 1—14.
- [Gibson, Gardner 2019] — *Gibson J., Gardner H.* Conversations on the Frontier: Finding the Dialogic in Nineteenth-Century Anthropological Archives // History Workshop Journal. 2019. No. 88 (October). P. 47—65.
- [Grenoble 2003] — *Grenoble L.A.* Language policy in the Soviet Union. Kluwer Academic Publishers, 2003.
- [Kan 2009] — *Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist.* Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2009.
- [Lassiter 2005] — *Lassiter L.E.* The Chicago Guide to Collaborative Ethnography. University of Chicago Press, 2005.
- [Nader 2020] — *Nader L.* Laura Nader: Letters to and from an Anthropologist. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2020.
- [Sanjek 1993] — *Sanjek R.* Anthropology's Hidden Colonialism: Assistants and Their Ethnographers // Anthropology Today. 1993. No. 9 (2). P. 13—18.
- [Siragusa 2018] — *Siragusa L.* Promoting Heritage Language in Northwest Russia. New York; Oxon: Routledge, 2018.
- [Ssorin-Chaikov 2008] — *Ssorin-Chaikov N.V.* Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // A New History of Anthropology / Ed. by H. Kuklick. Blackwell Publishing, 2008.
- [Stern 2006] — *Stern D.* Social Functions of Speaking Pidgin: The Case of Russian Identifier Pidgins // Marginal Linguistic Identities: Studies in Slavic Contact and Borderland Varieties // Ed. by D. Stern, C. Voss. Vol. 3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 161—175.
- [Tedlock, Mannheim 1995] — The Dialogic Emergence of Culture / Ed. by D. Tedlock, Br. Mannheim. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1995.
- [Vacano 2019] — *Vacano M.* Reciprocity in Research Relationships: Introduction // Affective Dimensions of Fieldwork and Ethnography / Ed. by Th. Stodulka, S. Dinkelaker, and F. Thajib. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 79—86.
- [Ziker 2002] — *Ziker J.P.* Peoples of the Tundra: Northern Siberians in the Post-Communist Transition. Long Grove: Waveland Press, 2002.